Текст · 25 апреля 2022, 08:51
Анна Павлова,

«Россия не признает, что держит такого человека в плену». Случай депутата из Мелитополя, которого похитили 44 дня назад

Наталья Прийма уже полтора месяца не выключает на ночь свет — она ждет, что домой неожиданно вернется ее муж, глава районного совета Сергей Прийма. Российские военные забрали Прийму после обыска 13 марта. С тех пор Наталья каждый день ходит по комендатурам, но везде ей говорят, что такого человека у них нет. Где находится похищенный и что с ним происходит, неизвестно уже 44 дня.

Похищение: «Мы его заберем всего на пару часов»

Мелитополь, город с населением около 150 тысяч человек в Запорожской области, российские военные заняли еще 26 февраля, через два дня после нападения на Украину. Несмотря на заверения Минобороны России, что «местные жители приветствовали военных», в захваченном городе каждый день проходили митинги против вторжения. Поначалу людям не препятствовали, но потом российская «военно-гражданская администрация» запретила акции протеста — и силовики начали разгонять демонстрантов.

11 марта был похищен мэр Мелитополя Иван Федоров. На его место поставили Галину Данильченко,

пророссийского политика, которого теперь государственные СМИ России называют и.о. главы города. Местное издание «РИА-Мелитополь» пишет-, что Данильченко руководит и военно-гражданской администрацией. Она стала первой госслужащей, против которой украинские власти возбудили дело о государственной измене[1].

Вслед за ним стали исчезать и активисты, выходившие на митинги в поддержку похищенного мэра, и местные чиновники. Так, 12 марта глава Мелитопольского районного совета[2] 45-летний Сергей Прийма вышел на акцию с требованиями освободить Федорова — уже на следующий день к нему пришли российские силовики.

— Это было воскресное утро, ничего не предвещало что-то плохое, но я думаю, что ему, наверное, поступали на телефон угрозы какие-то, потому что он как бы был — это сейчас анализирую — в ожидании, и когда утром к нам в 07:30 в дверь квартиры [постучали], он уже понял, что пришли за ним, — описывает утро 13 марта супруга Наталья Прийма.

Она вспоминает, что в квартиру зашли больше десяти человек, которые «разбежались по комнатам, буквально как тараканы, все в военной форме, вооруженные до зубов, в балаклавах, с белыми повязками и явно с русским акцентом».

— Они пришли с каким-то таким устройством огромным — дверь, видно, вскрывать, если бы мы не открыли. Я спросила: «Ребята, как вас зовут?». Они отвечали: «Мы вам не обязаны представляться».

Они были без всяких обозначений, нельзя было определить звание, ничего, никаких нашивок.

Военные начали обыскивать квартиру — вытаскивали вещи из шкафов, отодвигали мебель. Наталью и ее 15-летнюю дочь завели в комнату — один из военных остался с ними, забрал телефоны и не позволял выходить.

— Он разговаривал нормально, не грубил, сказал: «Не переживайте, все будет хорошо», — вспоминает Наталья. — Я у него спросила: «Куда вы его забираете, насколько?». Он сказал: «Не переживайте, мы его заберем всего на пару часов, мы просто хотим побеседовать».

Через дверь женщина слышала, как военные приказали ее мужу одеться и взять паспорт. Когда Сергея Прийму увели, в квартире еще оставалось двое силовиков, которые снова начали рыться в шкафах. Потом уже, по словам Натальи, соседи рассказали ей, что мужа вывели из дома с черным мешком на голове и заведенными за спину руками — видимо, на него надели наручники.

Прийма не вернулся ни через пару часов, ни через несколько дней — как мэр Мелитополя Иван Федоров, которого 16 марта удалось обменять на российских военнопленных.

— После захвата Мелитополя в городе началось мародерство, не было воды, не было света, начались проблемы со связью. Отец и вся команда их занималась в первую очередь коммуникациями и организацией местной дружины, которая не

подчинялась русским. Она патрулировала город, — рассказывает живущий в Харькове сын похищенного Влад Прийма. — Отец рассказывал, что первая волна [российских военных], которая зашла в город — там были отмороженные. Они начали грабить магазины, на людей наставлять оружие на местных жителей, отбирать машины. Потом армия ушла, на 3-4 день зашла военная полиция, которая установила там комендатуру, эти уже были поспокойнее.

По его словам, когда в Мелитополе решили «установить власть коллаборантов», всем представителям украинской власти российские военные стали предлагать сотрудничество. Кто отказывался, тех похищали, говорил Влад Прийма, добавляя, что его отец понимал, что за ним могут прийти, но уезжать не собирался:

— Говорил, что, если получится, может, вывезет маму с сестрой, но сказал, что сам останется. Было бесполезно его даже уговаривать на это.

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Поиски: «Россия не признает, что держит такого человека в плену»

Российские военные заняли все административные здания — мэрию, отделения полиции, СБУ. Украинские флаги везде заменили на российский триколор. По словам Влада Приймы, пока в городе еще

оставалась украинская власть, его отец и остальные госслужащие собирались в доме культуры имени Шевченко. Там первое время организовывали выдачу гуманитарной помощи и формировали патрули для защиты города от мародерства. Оттуда и был похищен мэр города Иван Федоров.

После похищения мужа Наталья Прийма прождала два дня, а 15 марта пошла в комендатуру, созданную российскими военными:

— Посоздавали свои такие администрации, наших украинских правоохранительных структур в нашем городе нет — ни полиции, ни СБУ. Поэтому мне приходится идти к [россиянам]. Я хожу каждый день. У меня начинается утро с того, что я иду по всем их дислокациям — в комендатуру, мэрию, отделы полиции.

Российские военные приняли у женщины заявление о пропаже супруга, расспросили, сколько силовиков приехали к ним домой и в какой форме они были, рассказывает Прийма. Комендант города — по словам Натальи, его имени никто не знает, только позывной «Сайгон» — сказал ей, что у них нет никакой информации о пропавшем Сергее Прийме. Наталья просила разрешить ей встречу с мужем, чтобы она уговорила его уехать, но комендант отказал. Никаких условий освобождения муже Наталье до сих пор не назвали.

— Я говорю: «Ну куда мне дальше идти?» — пересказывает она свои беседы с российскими военными. — Один из военных мне посоветовал: «А дальше Владимир Владимирович». Ну то есть

Путин. Я говорю: «Вы что, смеетесь? Вы забрали человека, куда вы его дели? Он не военный, он просто гражданский человек, который выполнял свои рабочие обязанности».

Женщина подала заявку в созданный СБУ центр по поиску и освобождению пленных, но там ей сказали, что «российская сторона не признает, что держит такого человека в плену».

Узнать какую-то информацию Наталья пыталась и у бывших сослуживцев мужа, которые согласились сотрудничать с российскими военными. Но и они не смогли ничем помочь. Сейчас, по ее словам, на месте Сергея Приймы работает его заместитель Андрей Ситуга — член партии ОПЗЖ[3].

, в российских государственных СМИ его называют и.о. главы военно-гражданской администрации Мелитопольского района.

— Я к [Ситуге] неоднократно обращалась, чтобы он посодействовал, чтобы моего мужа освободили, — говорит Наталья. — Он сказал, что мой муж занял неправильную позицию, что к нему тоже пришли, и он сделал правильный выбор, а мой муж — неправильный. Что надо было идти на сотрудничество и так агрессивно не реагировать на всю обстановку. Ну, он говорит, что вроде предлагал российским военным, что он даже готов [Сергея Прийму] взять на на работу к себе, чтобы он был под присмотром, но на это они не идут тоже. У [мужа] проукраинская позиция, он патриот своей страны и патриот своего края.

На прошлой неделе глава Запорожской облгосадминистрации Александр Старух писал-, что российские войска взяли в плен «сотни людей». Официально администрация сообщала-, что к 18 апреля в регионе зафиксировали 155 случаев похищения российскими военными мирных жителей — при этом 86 из них уже освобождены, а 69 человек еще находятся в плену. Среди похищенных, по данным украинских властей, был 34 госслужащих (освобождены 24), 14 предпринимателей (освобождены шестеро), 12 руководителей предприятий, учреждений и организаций (освобождены пятеро), три адвоката (освобождены два) и два журналиста — оба освобождены.

Телеграм-канал «Викрадені мелітопольці» публикует списки похищенных в городе, сейчас там почти 30 человек. Среди пропавших упоминается и 16-летний Владислав Буряка, сын главы Запорожской районной администрации Олега Буряка. По словам чиновника, подростка забрали на блокпосту, когда он ехал в автоколонне с людьми, которые пытались эвакуироваться в Запорожье. «Где мой сын сейчас, я не знаю. Я обращаюсь к европейскому сообществу. Я обращаюсь ко всему человечеству. Помогите мне, пожалуйста. Пусть весь мир знает о том, что россияне здесь в стране воруют детей», — говорил Буряк в видеообращении.

— Ну они таким методом, наверное, прививают любовь к «русскому миру», — говорит Наталья Прийма. — Потому что всех, которые отличаются хоть немного, всех, кто не согласен и кто только противостоит им, они крадут всех, всех. Каждый день

кого-то похищают, каждый буквально: адвокатов, директоров школ, активистов, молодых парней, матерей, журналистов.

Активистку Ольгу Гайсумову схватили 12 марта прямо во время митинга в поддержку похищенного мэра — отпустили ее спустя девять дней.

«Семь дней меня держали с мешком на голове. Я потеряла счет дням. По внутренним ощущениям, это было здание военкомата. Но точно сказать не могу, так как завозили и вывозили меня с мешком на голове. На допросы водили в три разных комнаты. Было очень холодно — здание не отапливается», — рассказывала Гайсумова «РИА Мелитополь». По словам активистки, она была вынуждена подписать документы об отказе организовывать или участвовать в митингах, о согласии сотрудничать с российскими силовиками и помогать им «в денацификации и демилитаризации». После освобождения Гайсумова уехала из Мелитополя.

Еще одна активная участница проукраинских митингов Татьяна Кумок — дизайнер свадебных платьев из Израиля, которую война застала в родном Мелитополе. Кумок вела подробный дневник из захваченного города в своем фейсбуке, в том числе рассказывала о похищениях. О положении в Мелитополе она упоминала и в подкасте «Медиазоны».

21 марта российские военные похитили отца Татьяны, издателя «Мелитопольских ведомостей» Михаила Кумка и еще троих местных журналистов, а также мать активистки. Вскоре схватили саму

Татьяну — военные привезли к ее квартире мать, чтобы та уговорила активистку проехать с ними. На следующий день всю семью отпустили.

«В первую очередь это был захват ребенка, чей отец имеет доступ к газете, которая 30 лет рассказывает горожанам правду, и к сайту, который читают десятки тысяч горожан», — говорила Татьяна Кумок после освобождения. Она пересказала свою беседу с военными, «которые искренне считают, что они пришли как освободители».

«Мне сказали, что я веду себя довольно дерзко на допросе и спросили, была ли я когда-то в карцере, — рассказала Кумок. — Я сказала: "До того, как вы, ребята, здесь появились и начали воровать людей, я не знала, что такое карцер, что такое похищения и что такое разговор с военными людьми в закрытом кабинете"». При этом она отметила, что в целом военные с ней себя вели вежливо.

Через два дня, 23 марта, в Мелитополе похитили 75-летнего отца журналистки и директора сайта «РИА Мелитополь» Светланы Зализецкой. Сначала ей поставили условие: отца отпустят, если журналистка сама придет к военным. Зализецкая сказала, что не собирается приезжать, поскольку уехала из Мелитополя после того, как Галина Данильченко предложила ей сотрудничать с российскими военными.

Через три дня задержанного все же освободили. Зализецкая рассказала, что ей поставили новое условие: она «должна перестать писать гадости» про россиян и написать в фейсбуке, что передает

управление сайтом издания третьим лицам. Журналистка выполнила это требование. Позже она написала, что «РИА Мелитополь» управляют люди, находящихся на подконтрольной Украине территории.

Похищают и в других подконтрольных российским военным городах. 13 апреля омбудсмен Украины Людмила Денисова, ссылаясь на данные прокуратуры, писала, что в Херсонской области в плену находятся 137 человек.

Журналистка «Новой газеты» Елена Костюченко рассказывала о секретной тюрьме, в которую свозили похищенных жителей Херсона и окрестных городов — их держали в здании изолятора временного содержания. Она поговорила с несколькими людьми, освободившимся оттуда.

Так, 43-летний журналист газеты «Новый день» Олег Батурин из Каховки, города в 80 км от Херсона, рассказал, что его похитили 12 марта. «Они там постоянно допрашивали людей, допрашивали и меня, это все происходило в разное время, — описывал он свое заключение. — Я так понял, что в течение нескольких дней эти изоляторы пополнялись новыми людьми и постоянно вели допросы. Я слышал, как избивали людей. Я не могу судить, потому что я не видел, я могу опираться только на то, что я слышал».

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

Мелитополь под российским контролем: «Их никто не просил к нам приходить»

Проукраинских митингов в городе больше нет. «После того, как были задержаны — большая часть активистов просто разъехалась. Для многих это было условием освобождения. Наш знакомый неделю был в плену. Его вербовали к сотрудничеству», — рассказывал журналистке Виктории Рощиной житель Мелитополя. Корреспондентка «Громадське» Рощина и сама была похищена 12 марта в Бердянске, военные продержали ее десять дней и освободили после того, как журналистка согласилась сказать на видео, что не имеет претензий к российским спецслужбам.

— Жизнь здесь очень тяжелая, наличные деньги почти снять негде. У нас гуманитарная катастрофа, — описывает Наталья Прийма положение в Мелитополе. — Раньше у нас был цветущий город, очень красивый. Он хотя маленький провинциальный городишко, но он очень был уютный, красивый, чистый, зеленый. Сейчас это все потопло в грязи. Все достижения нашей коллаборантской власти — они на братском кладбище зажгли огонь, включили музыку в парке и вату какую-то раздавали сладкую детям бесплатно, хотя людям есть нечего. Пенсионеры не могут получить пенсию, социальные выплаты, [поскольку не могут снять деньги с карточки].

По городу постоянно ездит российская техника, маркированная буквой Z. Прийма говорит, что сейчас

в Мелитополе не работают аптеки и практически нет лекарств — их время от времени привозят волонтеры, но этого недостаточно, особенно людям с серьезными заболеваниями, страдающим сахарным диабетом или онкобольным. Из-за отсутствия препаратов для наркоза не проводят операции, добавляет она. Недавно в город завезли продукты из Крыма, но цены на них «очень-очень высокие».

О нехватке продуктов и медикаментов говорит и мэр города Иван Федоров. В конце марта вице-премьер Украины Ирина Верещук сообщила, что российские солдаты захватили 12 автобусов, приехавших в Мелитополь для эвакуации людей — эти же автобусы привезли в город 14 тонн гуманитарной помощи, которую, по словам Верещук, забрали себе военнослужащие России. Ситуация повторилась и 8 апреля.

Минобороны России настаивает, что в Мелитополе и Херсоне все в порядке, и гуманитарные грузы от киевских властей там не требуются. «Еще раз сообщаем, что указанные города находятся под нашим полным контролем, их население продолжает жить мирной жизнью и обеспечено Российской Федерацией всем необходимым», — говорил представитель ведомства Михаил Мизинцев еще в марте.

Каждое утро в аптеках Мелитополя — огромные очереди, а запасы лекарств не пополняются, описывала ситуацию в городе журналистка Виктория Рощина. «И сейчас, как в любой "махновщине", начинается торговля медикаментов из рук, которые завозят из Крыма, — цитировала она

местных медиков. — Большинство людей получали медикаменты по рецептам, сейчас все эти люди просто выбиты из колеи. В телеграме создали чат по обмену лекарствами, и там просто крик души. Идет нарастание инфарктов, инсультов, потому что люди лишены терапии». В местной больнице журналистке рассказали, что врачи просто уезжают из города.

Наталья Прийма говорит, что переживает сейчас и за состояние дочери — после обыска та панически боится военных.

Недавно пророссийские власти в городе призвали возобновить учебу. Родителям, говорит Наталья, пригрозили, что детей, которые не явятся в школы, оставят на второй год, но она не собирается возвращать дочку на учебу.

— И мне тяжело видеть людей знакомых, которые продались. Сейчас вроде бы весна настала, и там травка где-то зеленеет, птички поют, но это как-то ничего не радует, потому что война, город оккупированный, мужа нет... — со слезами говорит Наталья. — Их никто не просил к нам приходить. Они говорят, что нас освобождают от нацистов. Я задавала вопрос: «Вы хоть одного нациста видели у нас?». Дело в том, что у нас русскоязычный город, пострадало больше русскоязычное население. Нам никто не запрещал общаться на русском языке.

Женщина жалуется, что люди стали настороженно относится друг к другу, опасаясь доносов, чтобы «не оказаться в подвале с мешком на голове». По ее словам, из города уехали примерно 30-40% местных жителей.

Но сама Наталья решила остаться, чтобы дождаться мужа.

По словам Влада Приймы, он беспокоится за безопасность мамы и сестры, но не пытается уговорить их уехать, считая, что это бесполезно:

— Недавно она сказала: «Я пойду в администрацию, там буду ночевать, пока его не выпустят, скажу, что я никуда не уйду». Я говорю: «Тебя просто заберут, подумай о сестре».

Уже полтора месяца Наталья всегда оставляет лампу включенной — чтобы Сергей, если он вернется ночью, знал, что его ждут, и не подумал, что семья уехала.

— Я не уезжаю, потому что я думаю, что муж мой здесь, — говорит она. — Если я не буду ходить, то просто за него забудут. Я каждый день хожу и напоминаю, я пишу заявления, хоть таким способом обозначаюсь, чтоб знали, что кто-то беспокоится. Я жду, я всегда жду его, я в окно смотрю — вот комендантский час заканчивается либо только начинается, и я думаю, что он придет, я его жду все это время.

Редактор: Егор Сковорода

Обновлено 27 апреля в 18:46. Добавлена история о похищении активистки Татьяны Кумок с семьей и родных журналистки Светланы Зализецкой.

1. Часть 1 статьи 111 Криминального кодекса Украины.

2. Законодательное собрание Мелитопольского района Запорожской области.

3. Пророссийская партия «Оппозиционная платформа — За жизнь».